

ДВУСТОРОННИЕ ОТНОШЕНИЯ BILATERAL RELATIONS

DOI: 10.22363/2313-0660-2024-24-3-417-426

EDN: YPWQQJ

Научная статья / Research article

Институты Конфуция — «мягкая сила» или «троянский конь»? Взгляд с российского Дальнего Востока

Н.В. Хисамутдинова¹ , **Юэ Ян²**¹ Владивостокский государственный университет, Владивосток, Российская Федерация² Независимый исследователь, Харбин, Китай natalya.khisamutdinova@vvsu.ru

Аннотация. На примере Дальневосточного федерального округа поднимается вопрос о значении и роли Институтов Конфуция, культурно-образовательных учреждений, создаваемых с 2004 г. Китайской Народной Республикой (КНР) в разных странах для обучения их граждан китайскому языку и знакомству с китайской национальной культурой. Актуальность исследования связана с участившейся критикой этих образовательных организаций, обусловленной присущей им двойственной ролью. С одной стороны, Институты Конфуция являются типичным инструментом «мягкой силы», способной создать привлекательный образ Китая и усилить его влияние в мире с помощью международных связей в сфере культуры и образования. С другой стороны, в деятельности Институтов Конфуция прослеживаются функции «жесткой силы», позволяющие Китаю реализовывать стратегические задачи в других областях, совершенно не связанных с образованием и культурой, что вызывает упреки в странах-партнерах. Эта проблема особенно актуальна для российского Дальнего Востока, учитывая его близкое соседство с Китаем, большую протяженность российско-китайской границы и сложную демографическую ситуацию на российском Дальнем Востоке. Цель исследования — выявить, насколько региональные факторы подтверждают справедливость критических замечаний в адрес Институтов Конфуция, и предложить меры, способствующие снижению «жесткого» влияния Китая на Дальневосточный регион. Анализируя деятельность Институтов Конфуция на российском Дальнем Востоке, авторы выделяют три главных аспекта, подтверждающих «жесткую силу» Институтов Конфуция: их вклад в «мирное» освоение Китаем дальневосточных земель, повышение интернационализации китайского высшего образования и содействие развитию национальной культуры. Сделан вывод, что при анализе плюсов и минусов в деятельности Институтов Конфуция важно учитывать экономическую и политическую ситуацию в том регионе, где они работают. В противном случае этим культурно-образовательным учреждениям не избежать обвинений в роли «троянского коня». В ходе исследования были использованы российские и китайские источники, включая аналитические работы и публикации в средствах массовой информации, а также эмпирические наработки авторов.

Ключевые слова: Россия, Китай, китайский язык, культурные связи

© Хисамутдинова Н. В., Ян Ю., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Примечание. Мнения, высказанные в статье, принадлежат авторам и могут не совпадать с позицией редколлегии журнала.

Вклад авторов. Авторы внесли равнозначный вклад в разработку дизайна, проведение исследования и подготовку текста статьи.

Для цитирования: Хисамутдинова Н. В., Ян Ю. Институты Конфуция — «мягкая сила» или «троянский конь»? Взгляд с российского Дальнего Востока // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2024. Т. 24, № 3. С. 417–426. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-3-417-426>

Confucius Institutes — Soft Power or Trojan Horse? View from the Russian Far East

Natalia V. Khisamutdinova¹ , Yue Yang²

¹ Vladivostok State University, Vladivostok, Russian Federation

² Independent researcher, Harbin, China

 natalya.khisamutdinova@vvsu.ru

Abstract. Using the example of the Far Eastern Federal District, the article examines the role of Confucius Institutes, educational institutions that China has established in various countries since 2004 to teach Chinese language and culture. The relevance of the research is linked to the growing criticism of the dual function of these organizations. On the one hand, these Institutes are considered as a soft power instrument capable of creating China's positive image and increasing its global influence through cultural and educational contacts. On the other hand, there are cases of Confucius Institutes acquiring hard power functions, allowing China to implement its strategic goals in other areas unrelated to education and culture. This has prompted reproaches from partner countries. These moments are especially relevant in the Russian Far East, given its close proximity to China, the considerable length of the Russian-Chinese border, and the critical demographic situation in the Russian Far East. The goal of the research is to identify whether regional factors support the criticism leveled at the Confucius Institutes and, subsequently, to propose measures to mitigate China's hard power influence in the region. By analyzing the Institutes' activities in the Russian Far East, the authors reveal three main aspects confirming their hard power functioning. The Confucius Institutes promote China's 'peaceful' expansion; they increase the internationalization of Chinese education and contribute to the development of national culture. The authors conclude that when analyzing the pros and cons of Confucius Institutes, it is important to take into account the economic and political situation in the region where they operate. Otherwise, they risk being accused of serving as a Trojan horse. The article is based on recent Russian and Chinese sources, including academic writings and mass media publications, as well as the authors' empirical research.

Key words: Russia, China, Chinese language, cultural contacts

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

Disclaimer. The opinions expressed in this article are those of the authors. They do not purport to reflect the opinions or views of the editorial team.

Authors' contributions. The authors made an equal contribution to the design, research and preparation of the final article's text.

For citation: Khisamutdinova, N. V., & Yang, Yue. (2024). Confucius Institutes — soft power or Trojan horse? View from the Russian Far East. *Vestnik RUDN. International Relations*, 24(3), 417–426. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-3-417-426>

Введение

Институты Конфуция — это некоммерческие учебные заведения, создаваемые Китаем на территории разных стран для обучения их граждан китайскому языку и

знакомства с китайской культурой. С момента основания в 2004 г. первого Института Конфуция в Сеуле (Республика Корея) к 2020 г. в 162 странах работали 550 институтов и более 1170 классов Конфуция, из них 19 —

в России¹. Они есть и в Дальневосточном федеральном округе России: во Владивостоке, Благовещенске, Улан-Удэ и Комсомольске-на-Амуре. Успеху Институтов Конфуция способствуют, с одной стороны, непосредственное соседство региона с Китаем, тесное экономическое сотрудничество и возросший благодаря этому интерес населения к китайской истории, культуре и языку. С другой стороны, не менее важен курс России на интернационализацию образования, взятый в последние десятилетия, и вхождение дальневосточных вузов в международное образовательное пространство. Это расширило возможности китайской молодежи получить высшее образование в России, а российской — в Китае, в том числе в рамках программ обмена студентами.

Институты Конфуция, привлекая к изучению китайского языка лиц любого возраста из всех слоев населения, играют важную роль в укреплении деловых и культурно-образовательных связей. Вместе с тем по мере активного продвижения Институтов Конфуция в России в их адрес стали раздаваться обвинения в том, что «мягкая сила» этих организаций нередко приобретает функции «жесткой силы», позволяя Китаю реализовывать стратегические задачи в областях, далеких от культуры и образования. Особую актуальность эти вопросы приобретают на российском Дальнем Востоке, учитывая его близкое соседство с Китаем, большую протяженность российско-китайской границы и сложную демографическую ситуацию в регионе, при которой русскоязычное население Дальнего Востока России неуклонно сокращается, а китайское, напротив, демонстрирует тенденцию роста. Авторы статьи ставят задачу выяснить, насколько реальны обвинения в адрес Института Конфуция и что можно им противопоставить.

Материалы и методы исследования

Работа Институтов Конфуция нашла широкое отражение в работах и российских

(Будаев, 2016; Бянкин, 2014; Гурулёва, 2020; Михалев, 2017; Морозова, 2017; Самойлова, Лобанова, 2017; Селезнева, 2021), и зарубежных (Лю, 2009; Callahan, 2008; Hong, Qiu & Lin, 2013; Li, 2011; Wong, 2018) исследователей. В работах прослеживается как анализ образовательной деятельности этих организаций, так и их роль как инструмента политики «мягкой силы» в международных отношениях. Сообщая подробности открытия и функционирования Институтов Конфуция, авторы связывают их деятельность с изменениями в китайской политике и делают вывод о важной роли культурного влияния страны на международной арене.

Несмотря на большой интерес исследователей к данной теме, Дальневосточный регион России остается в этом отношении недостаточно изученным. К тому же большинство работ носят описательный характер, и лишь в немногих прослеживается мысль о «жесткости» и двойственности китайской «мягкой силы», использовании ее Китаем для решения задач, далеких от развития сотрудничества в культурно-образовательной сфере. Для Дальневосточного федерального округа эти моменты особенно важны, поскольку на его территории функционирует пятая часть всех открытых в России Институтов Конфуция. Это заставляет вновь обратиться к данной теме, изучив и проанализировав факты и материалы последних лет.

Основной методологической позицией, на которой строилось исследование, стало понимание «мягкой силы» как инструмента претворения в жизнь внешнеполитического курса Китая в XXI в. Осмысление понятия «мягкая сила» относительно функционирования Институтов Конфуция потребовало обращения как к методам политической (типологическому и экспертной оценки), так и исторической науки (сравнительному, проблемно-историческому, ситуационному). Часть материала получена эмпирическим путем в ходе полевых исследований авторов. Источниками для статьи явились официальный сайт Центра международного языкового сотрудничества (Ханьбань), периодическая печать Китайской Народной Республики

¹ В мире работает 550 институтов Конфуция // РИА Новости. 10.12.2019. URL: <https://ria.ru/20191210/1562217842.html> (дата обращения: 09.01.2023).

(КНР) и России, научные публикации российских и китайских исследователей, а также эмпирические наблюдения авторов.

Институты Конфуция: «мягкая сила» культуры и образования

Идея «мягкой силы» издавна используется человечеством, хотя теоретическое обоснование она получила лишь в конце XX в. в работах Джозефа Ная, увидевшего в ней средство достижения успеха в мировой политике (Nye, 2004; 2011). В отличие от «жесткой силы», относящейся к военной мощи, развитию экономики и научно-техническому прогрессу, «мягкая сила» подразумевает создание привлекательного образа страны через духовные ценности: язык, культуру, идеологию и народную дипломатию. Особый отклик теория Дж. Ная нашла в Китае, где в идеях американского политолога увидели отражение конфуцианского учения, в частности — о тесной взаимосвязи воспитания человека и построения гармоничного государства (Wu, 2018; Li & Chen, 2019; Zhang Xiaoming, 2005; Zhang Guozuo, 2014; Zhang Xiping, 2007). Хотя Дж. Най в своих работах не дает конкретных указаний, как именно должна действовать «мягкая сила», а у его теории нашлись критики, в том числе в самом Китае (Михалев, 2017; Callahan, 2008; Wang & Lu, 2008), в КНР издали книги политолога, а идеи использовали при формировании политического курса страны в XXI в. Важнейшим компонентом этого курса стало распространение в мире китайского языка и культурного наследия.

Хотя курс на популяризацию китайского языка за рубежом Китай взял еще в 1987 г., создав при Государственном совете канцелярию «Ханьбань» и начав открывать в разных странах китайские культурные центры, наиболее активно концепция «мягкой силы» проявилась после XVII съезда КПК (2007 г.), на котором среди основных составляющих инновационного развития культуры КНР было названо расширение международного культурно-образовательного сотрудничества и межкультурных обменов, повышение роли

китайской культуры в мире и заимствование лучших мировых достижений в сфере культуры. Ключевую роль в данных процессах и были призваны сыграть Институты Конфуция, заменившие китайские культурные центры (Wu, 2018, p. 3).

Одним из первых регионов, попавших в поле действия «Ханьбань», был российский Дальний Восток, где китайский язык издавна пользуется популярностью. Во Владивостоке еще в конце XIX в. китайскому языку стали обучать в мужской гимназии и Восточном институте, а затем «китайский разряд» (отделение) был создан в Государственном дальневосточном университете (1920–1939 гг.). Позже подготовка китаеведов велась на восточных факультетах Дальневосточного государственного университета (ДВГУ) и Дальневосточного государственного технического университета имени В.В. Куйбышева (с 2011 г. объединены в Дальневосточный федеральный университет, ДВФУ). Ныне профиль «Китайская филология» существует помимо ДВФУ во Владивостокском государственном университете (ВВГУ), университетах Хабаровска, Комсомольска-на-Амуре, Благовещенска, Читы и Улан-Удэ. Помимо этого, китайский язык как второй иностранный изучают студенты различных специальностей в этих и ряде других вузов Дальнего Востока, в регионе также работают многочисленные специализированные школы с изучением китайского языка и языковые курсы для детей и взрослых.

По информации Генерального консульства КНР во Владивостоке, Дальневосточный регион занимает первое место в России по изучению китайского языка, обгоняя Москву и Санкт-Петербург². Это, вероятно, стало одной из причин открытия в 2000 г. при ДВГУ первой в России структуры «Ханьбань» — Центра китайского языка (Се, Еланцева, 2019, с. 62) и проведения целого ряда культурных акций, организованных в регионе китайской

² Степанова Е. Иероглиф в приоритете. Зачем дальневосточники учат китайский язык? // East Russia. 28.11.2019. URL: <https://www.eastrussia.ru/material/ieroglif-v-prioritete/> (дата обращения: 08.02.2023).

стороной в последующие годы («Мягкая сила» в азиатско-тихоокеанском региональном контексте..., 2016, с. 145). На Дальнем Востоке были открыты и самые первые Институты Конфуция в России: в 2006 г. — во Владивостоке, в 2007 г. — в Благовещенске и Улан-Удэ. О значении региона для Китая говорит и факт проведения в 2009 г. на базе Института Конфуция ДВГУ совещания руководителей всех Институты Конфуция на территории постсоветского пространства (Се, Еланцева, 2019, с. 63–64).

Выполняя задачу всемерного распространения китайского языка и культуры за рубежом, Институты Конфуция значительно расширили направления деятельности по сравнению с китайскими культурными центрами (Лю, 2009; Hong, Qiu & Lin, 2013). Главной функцией тем не менее осталось развитие образовательных программ. Именно глобальное продвижение китайского языка китайские исследователи считают важнейшей частью формирования культурной «мягкой силы» (Wang & Lu, 2008; Xu, 2012). Они цитируют по этому поводу американскую газету *The Wall Street Journal*, отдавшую должное этой стратегии китайского правительства: «Поощрение изучения языка — это наиболее эффективный способ расширить влияние страны, он поможет углубить понимание Китая внешним миром» (Li, 2011, p. 38). Действительно, история знает немало примеров, когда язык становился важной составной частью международных отношений.

Образовательные программы, включающие обучение всех желающих китайскому языку и культуре, подготовку к сдаче квалификационных экзаменов разных уровней по китайскому языку и организацию учебных туров в Китай, являются одним из пяти направлений работы Институты Конфуция в Дальневосточном регионе. Ежегодно в каждый региональный Институт Конфуция поступает от 100 до 150 слушателей разного возраста, выбирая один из трех уровней обучения — от базового до повышенного, четырехгодичного. Общее число слушателей таким образом составляет от 200 человек в наиболее молодом Институте Конфуция

при Амурском гуманитарно-педагогическом университете (Комсомольск-на-Амуре) до 900 человек в самом крупном, при ДВФУ (Владивосток)³.

Для совершенствования методики обучения языку создаются центры повышения квалификации преподавателей китайского языка начальной, средней и высшей школы Дальнего Востока и Забайкалья, разрабатываются новые учебники и пособия, в том числе мультимедийные. Имеются примеры совместной работы над ними китайских и российских педагогов. Научно-исследовательская работа включает поддержку научных исследований в области китаеведения, проведение семинаров, тематических «круглых столов» и конференций, в том числе ежегодных «Конфуцианских чтений» (ДВФУ).

Организация конкурсов по китайскому языку и каллиграфии, фестивалей, лекториев, концертов входит в план культурно-просветительской работы. Большое внимание уделяется созданию консультационных центров для информационной поддержки населения российского Дальнего Востока: Институт Конфуция готов предоставить справочную литературу для всех, чья деятельность связана с Китаем, а также консультировать будущих абитуриентов китайских вузов (Се, Еланцева, 2019, с. 62–63).

За последние 15 лет дальневосточные Институты Конфуция сыграли ведущую роль в развитии китайского образования за рубежом, предоставляя услуги тысячам студентов региона по изучению китайского языка и пониманию китайской культуры и содействуя культурному обмену между Китаем и городами Дальнего Востока России. Такое сотрудничество, как пишут в Китае, создает благоприятные внешние условия для мирного развития Китая и выполняет важную миссию реализации зарубежной культурной стратегии страны (Лю, 2009, с. 150; Xu, 2012, p. 53).

Вместе с тем не все страны соглашаются на работу с данным проектом, считая его средством продвижения интересов Китая (Леконцева, 2010, с. 30; Завьялова, 2010,

³ Полевые материалы авторов (далее — ПМА).

с. 58). В отличие от подобных зарубежных организаций (Британского совета, немецкого Института Гёте, испанского Института Сервантеса, французского Альянс Франсез) появление Институтов Конфуция в российских городах чаще всего является следствием дружеских отношений между российскими и китайскими вузами, когда Институт открывается как подразделение местного университета. Именно так, благодаря вузовскому содружеству, были открыты все дальневосточные Институты Конфуция. Это создало преимущество для китайской организации, позволив быстро решить юридические проблемы при регистрации, так как вне Москвы иностранные культурно-информационные центры могут создаваться на территории России лишь с согласия правительства Российской Федерации⁴.

При этом замечено, что даже на территории российского вуза, предоставившего Институту Конфуция учебные площади и оборудование, при наличии совместной российско-китайской администрации он остается автономным китайским учреждением с собственными программами и финансированием. Учебная литература, которую Китай предоставляет через Институты Конфуция на безвозмездной или льготной основе организациям, где преподается китайский язык, подготовлена с учетом официальной политики. Тем самым, по мнению исследователей, распространяется идеологическое влияние КНР (Михневич, 2015, с. 96).

В прессе отмечаются факты, когда Институты Конфуция подрывают академическую свободу вузов, занимаются промышленным и военным шпионажем, следят за китайскими студентами в российском вузе и стремятся продвинуть позицию китайской компартии по вопросам Далай Ламы, Тибета

⁴ Положение о порядке учреждения и условиях деятельности иностранных культурно-информационных центров на территории Российской Федерации (утверждено постановлением Правительства РФ от 24 июля 1995 г. № 746; с изменениями и дополнениями от 14 апреля 2010 г.) // Гарант. URL: [https://base.garant.ru/103816/#:~:text=\(дата обращения: 09.02.2023\).](https://base.garant.ru/103816/#:~:text=(дата обращения: 09.02.2023).)

или независимости Тайваня⁵. Ряд авторов заостряют внимание на государственном финансировании Институтов Конфуция, а следовательно, их полной зависимости от правительства КНР (Леконцева, 2010; Михалев, 2017; Callahan, 2008). Эти моменты стали поводом для обвинения Институтов Конфуция, расположенных в Новосибирске и Благовещенске, в нарушении российских законов, а в Якутске Институт Конфуция был закрыт как учреждение, призванное содействовать проникновению китайской идеологии и экономической экспансии на территорию России⁶.

Анализируя деятельность Институтов Конфуция в Дальневосточном федеральном округе, можно выделить три главных аспекта, подтверждающих, что работа в регионе Институтов Конфуция создает преимущества для Китая.

1. «Мягкая сила» способствует «мирному» освоению Китаем дальневосточных земель. Как хорошо известно, отток населения с российского Дальнего Востока не ослабевает уже много лет («Мягкая сила» в азиатско-тихоокеанском региональном контексте..., 2016, с. 94), и если он не прекратится, может встать вопрос о развитии региона с помощью китайского соседа. Уже сегодня почти во всех дальневосточных городах имеются своего рода «чайна-тауны» — обширные площади, занятые китайскими лавками, ресторанами, парикмахерскими и мастерскими. Тысячи китайцев каждый сезон привлекаются для работы в сельском хозяйстве Приморья и Приамурья, а тысячи гектаров сельскохозяйственных земель сдаются гражданам Китая в аренду⁷.

⁵ Что скрывается под «культурной» оберткой Институтов Конфуция? // Asia Russia Daily. 02.10.2014. URL: <https://asiarussia.ru/articles/4494/> (дата обращения: 09.02.2023).

⁶ NTDTV: Институту Конфуция в Благовещенске могут указать на дверь // ИноТВ. 30.07.2015. URL: <https://russian.rt.com/inotv/2015-07-30/NTDTV-Institutu-Konfuciya-v-Blagoveshhenske> (дата обращения: 18.02.2023).

⁷ Мельников М. Миллион гектаров для китайцев: правда и домыслы, выгоды и угрозы // Царьград. 21.08.2018. URL: <https://tsargrad.tv/articles/million->

Пока еще отношение жителей Дальнего Востока к соседней стране остается настороженным: ссылаясь на опросы населения, исследователи называют китайскую иммиграцию самой актуальной международной угрозой для российского пограничья («Мягкая сила» в азиатско-тихоокеанском региональном контексте..., 2016, с. 144). По мере же приобщения с помощью Институтов Конфуция к китайским культурным ценностям эта настороженность может постепенно перерасти в доверие и тем самым облегчить для Китая приход на российский Дальний Восток.

2. Институт Конфуция повышает интернационализацию китайского высшего образования. Грантовые программы и обмен студентами для бесплатного обучения в вузах Китая вызывают отток из России способных молодых людей. В первом десятилетии XXI в., например, в КНР обучались около 17 тыс. студентов из России (Бобыло, Севастьянов, 2016, с. 77). До закрытия границы с КНР, связанного с пандемией коронавируса, Амурский государственный педагогический университет ежегодно отправлял в вузы Китая 70, а Благовещенский — до 100 студентов на долгосрочные курсы китайского языка, краткосрочные стажировки и практики. Сегодня, когда граница снова открыта, обмен студентами постепенно восстанавливается⁸.

Часть молодых людей склонна оставаться после учебы за рубежом. Так, опрос авторами статьи 20 студентов ВВГУ, изучающих китайский язык, показал, что все они положительно оценивают возможность продолжить изучение языка в КНР, а половина опрошенных хотели бы остаться работать там и после учебы. Пример выпускницы ДВФУ 2018 г. Е.К. объясняет это желание. Из восьми ее одногруппников только двое смогли найти на родине работу по специальности, в сфере внешнеэкономической деятельности, с зарплатой до 40 тыс. руб. В Китае же их диплом дает возможность зарабатывать в 2–2,5 раза больше⁹. Опрос студентов-китаистов показывает,

что они с нетерпением ожидали окончательной отмены ковидных ограничений и полного открытия границы с Китаем.

3. Распространяя китайскую культуру за рубежом, Институты Конфуция способствуют развитию культуры внутри страны. По мнению китайских исследователей, важной целью зарубежной культурной стратегии Китая является повышение его конкурентоспособности в этой сфере. Осуществляя мечту о статусе мировой державы, именно с развитием национальной культуры КНР связывает достижение этой цели мирным путем (Лю, 2009, с. 150; Ху, 2012, р. 53). В китайской прессе все чаще звучат предложения отойти от традиционных символов (Китайский новый год, драконы, праздник фонарей, танец льва и др.) и активнее развивать новые направления, шире заимствовать элементы национальных культур других народов. Современная китайская культура, как отмечается, должна унаследовать лучшие традиционные элементы и соединить их с иностранными достижениями¹⁰. Хороший пример такого культурного тандема дает Благовещенск, где ежегодно при поддержке местного Института Конфуция проходит российско-китайский фестиваль культуры и искусства. 12-й по счету фестиваль состоялся даже в условиях пандемии, в августе 2022 г.¹¹

Таким образом, китайская «мягкая сила» культуры и образования соседствует с «жесткой силой», связанной с экономикой и политикой, позволяя Китаю реализовывать стратегические задачи. Это вполне соотносится

28.11.2019. URL: <https://www.eastrussia.ru/material/ieroglif-v-prioritete/> (дата обращения: 08.02.2023).

¹⁰ См.: Ying Ni. How to Develop and Advance China's Cultural Exports // *China Daily*. May 11, 2021. URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202105/11/WS609a32fca31024ad0babd39a.html> (accessed: 12.02.2023); Zhao Ruinan. Chinese Culture That Goes Beyond Borders // *China Daily*. June 30, 2021. URL: <https://epaper.chinadaily.com.cn/a/202106/30/WS60dbd7f9a3106abb319fb901.html> (accessed: 12.02.2023).

¹¹ Гумлевая М. Российско-китайская ярмарка культуры и искусства открылась у обоих берегов Амура // *Вести: Амурская область*. 22.06.2021. URL: <https://gtrkamur.ru/news/2021/06/22/168163> (дата обращения: 04.01.2022).

gektarov-dlja-kitajcev-pravda-i-domysly-vygody-i-ugrozy_153592 (дата обращения: 28.02.2023).

⁸ ПМА.

⁹ Степанова Е. Иероглиф в приоритете. Зачем дальневосточники учат китайский язык? // *East Russia*.

с характеристикой «мягкой силы» Дж. Ная, который назвал ее «способностью получать то, что вы хотите, посредством привлечения, а не принуждения или платежей» (Nye, 2004, p. 10). Этот тезис нашел развитие и у китайских исследователей. Лю Цзайци, например, считает «мягкой силой» мудрую стратегию государства в использовании «твердой силы», недостаток которой можно компенсировать увеличением «мягкой силы». Ослабление же «мягкой силы», считает он, приведет к сокращению совокупной государственной мощи, даже если «твердая сила» крепка (Лю, 2009, с. 152). Неслучайно на фоне продвижения по миру китайского языка и культурных ценностей появился новый термин — культурная торговля, отражающий размах китайской культурной стратегии. В этом случае можно говорить о «мягкой силе» как своеобразном «зонтике», под которым Китай намерен в будущем решать свои политические и экономические задачи.

Летом 2020 г. в ответ на критику в Китае предприняли структурную реорганизацию Института Конфуция, объяснив ее появлением ряда проблем: замедлением ежегодного прироста количества институтов, снижением числа преподавателей, уменьшением финансирования, отставанием учебных программ от уровня развития информационных систем. Параллельно с канцелярией «Ханьбань», переименованной в Центр языкового образования и сотрудничества (*Centre for Language Education and Cooperation*), создали Китайский международный фонд обучения китайскому языку, благотворительную организацию, учредителями которой стали 27 ведущих китайских университетов¹². Реформа коренным образом изменила принадлежность

¹² См.: Quinn C. China: Confucius Institutes Get Rebrand // The Pie. July 9, 2020. URL: <https://thepienews.com/confucius-institutes-rebrand/> (accessed: 09.02.2023); Китай учредил Центр по сотрудничеству в образовании // Рамблер. 05.07.2020. URL: https://news.rambler.ru/education/44455544-kitay-uchredil-tsentr-po-sotrudnichestvu-v-oblasti-obucheniya-yazykam/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 09.08.2023).

Института Конфуция: он стал негосударственным образовательным учреждением, получающим финансирование не от правительства, а от китайских и зарубежных учебных заведений, которые отныне играют основную роль в управлении. По словам Чжао Линшаня, генерального секретаря Фонда, механизм работы институтов улучшится с учетом международной практики, что повысит качество образования: «Фонд поможет расширить платформу Институтов Конфуция за рубежом, сконцентрировать все ресурсы и добиться более качественного развития. Поддержка зарубежных Институтов Конфуция станет более разнообразной и оптимизированной»¹³.

Не ставя под сомнение эти слова и осознавая большую помощь, оказываемую Институтами Конфуция любителям китайского языка и культуры во всем мире, все же выскажем предположение, что реформы последних лет не меняют сущности применения Китаем культурных инструментов «мягкой силы». Если продвижением по миру китайского языка и культуры Китай, как зонтиком, прикрывает далекоидущие планы, то реорганизация Института Конфуция — это лишь попытка сделать этот зонтик более прочным и надежным. И все же пример Дальнего Востока показывает, что на проблему следует взглянуть и с другой стороны. «Если китайское влияние на российский Дальний Восток считать угрозой, то она растет, — считает доктор политических наук, главный научный сотрудник академического Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока С.К. Песцов, — но это зависит не от Китая, а от нас: чем слабее мы будем, тем большее влияние станет приобретать Китай»¹⁴.

¹³ Chinese International Education Foundation Holds the Fourth Meeting of Its First Council in Beijing // Chinese International Education Foundation. April 1, 2021. URL: <https://www.cief.org.cn/newsinfo/1322206.html> (accessed: 09.02.2023).

¹⁴ Степанова Е. Иероглиф в приоритете. Зачем дальневосточники учат китайский язык? // East Russia. 28.11.2019. URL: <https://www.eastrussia.ru/material/ieroglif-v-prioritete/> (дата обращения: 08.02.2023).

Заключение

Идея «мягкой силы» весьма важна в современную эпоху, когда многие страны выбирают мирный путь в конкуренции со странами-соперниками, стремясь привлечь к себе интерес и симпатии мирового сообщества. Одним из основных инструментов «мягкой силы» любой страны являются культурно-образовательные учреждения, такие как китайские Институты Конфуция, создаваемые с 2004 г. в разных странах для обучения китайскому языку и знакомству с национальной

культурой. Международные обмены при изучении языка и культурное сотрудничество являются неотъемлемой частью будущего мирного сосуществования, и роль «мягкой силы» как политического инструмента будет только расти. Однако при анализе плюсов и минусов Институты Конфуция важно учитывать экономическую и политическую ситуацию в том регионе, где они работают. В противном случае этим культурно-образовательным учреждениям не избежать обвинений в роли «тройного коня».

Поступила в редакцию / Received: 20.02.2022
Доработана после рецензирования / Revised: 20.02.2024
Принята к публикации / Accepted: 26.06.2024

Библиографический список

- Бобыло А. М., Севастьянов С. В.* «Мягкая сила» России: азиатско-тихоокеанский вектор // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2016. № 4 (39). С. 75–85. EDN: XHVXAF
- Будаев А. В.* Светлые и темные стороны «мягкой силы» Китая // Государственное управление. Электронный вестник. 2016. № 54. С. 106–129. EDN: VODSNZ
- Бянкин К. Ю.* Институт Конфуция и его место в культурной глобализации и культурной регионализации КНР // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сборник восточного центра. 2014. № 15. С. 145–149. EDN: SXKNQT
- Гурулёва Т. Л.* «Мягкая сила» китайского образования в России // Азия и Африка сегодня. 2020. № 1. С. 4–9. <https://doi.org/10.31857/S032150750008158-5>; EDN: FBBXFD
- Завьялова А. А.* Институты Конфуция: интеграция или экспансия // Высшее образование сегодня. 2010. № 9. С. 54–59. EDN: MVVICP
- Леконцева К. В.* Институт Конфуция как инструмент «гибкой власти» Китая // Вестник Читинского государственного университета. 2010. № 7 (64). С. 27–31. EDN: MVMAXB
- Лю Цзайци.* «Мягкая сила» в стратегии развития Китая // Полис. Политические исследования. 2009. № 4. С. 149–155. EDN: KYGVRV
- Михалев А. В.* Концепция «мягкой силы»: обзор подходов в зарубежной науке // Дискурс-Пи. 2017. № 1 (26). С. 129–135. EDN: ZGRWNV
- Михневич С. В.* Мудрец помогает Поднебесной: развитие сети Институтов Конфуция как инструмент реализации политики «мягкой силы» КНР в Большой Восточной Азии // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2015. Т. 10, № 1. С. 80–117. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2015-01-61>; EDN: UCUGWT
- Морозова Н. В.* Распространение китайского языка как источник «мягкой силы» КНР // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2017. № 1 (7). С. 106–112. EDN: YSECEH
- «Мягкая сила» в азиатско-тихоокеанском региональном контексте. Теоретическая адаптация и национальные практики / под ред. С. К. Песцова. Владивосток: Дальневосточный федеральный университет, 2016. EDN: WZHHDZ
- Самойлова М. П., Лобанова Е. А.* Правовое регулирование деятельности Институтов Конфуция в России // *Juvenis scientia*. 2017. № 6. С. 29–31. EDN: YUONZD
- Се Ф., Еланцева О. П.* Институт Конфуция ДВФУ и его деятельность по распространению китайского языка и знаний о Китае // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 4 (51). С. 61–70. EDN: QXBWCD
- Селезнева Н. В.* Институты Конфуция как инструмент «мягкой силы» Китая: проблемы и перспективы развития в новую эпоху // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2021. Т. 26, № 26. С. 291–305. <https://doi.org/10.24412/2618-6888-2021-26-291-305>; EDN: PDFMUV

- Callahan W. A. Chinese Visions of World Order: Post-hegemonic or a New Hegemony? // *International Studies Review*. 2008. Vol. 10, iss. 4. P. 749–761. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2486.2008.00830.x>
- Hong Xiaonan, Qiu Linying, Lin Dan. Guo jia wen hua ruan shi li de gou cheng yao su yu ti sheng zhan lue // *Jiang hai xue kan* [Компоненты государственной культурной «мягкой силы» и стратегия продвижения // Цзянхайский научный журнал]. 2013. Vol. 001. P. 202–207. (На китайском языке).
- Li Dongfang, Chen Jian. Zhong guo ren min de wei da meng xiang jing shen // *Gòngchǎndǎng zázhi* [Великая мечта китайского народа // Журнал Коммунистической партии]. 2019. Vol. 9. P. 8–10. (На китайском языке).
- Li Xia. Kongzi xueyuan dui ti sheng wo guo wen hua ruan shi li de ying xiang // *Shen zhou Di yi ban* [Влияние Институтов Конфуция на продвижение культурной «мягкой силы» нашей страны // Журнал Университета Шэньчжоу]. 2011. Vol. 4. P. 38–43. (На китайском языке).
- Nye J. S. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York : Public Affairs, 2004.
- Nye J. S. *The Future of Power*. New York : Public Affairs, 2011.
- Wang Hongying, Lu Yeh-Chung. The Conception of Soft Power and Its Policy Implications: A Comparative Study of China and Taiwan // *Journal of Contemporary China*. 2008. Vol. 17, iss. 56. P. 425–447. <https://doi.org/10.1080/10670560802000191>
- Wong Ka-Ho. Analysis of Chinese Narrative of World Order and Foreign Policy: Is China a Revisionist or Reformist Power? // *Comparative Politics Russia*. 2018. Vol. 9, no. 3. P. 154–161. EDN: XTKUTZ
- Wu Huiyong. A Confucian Holistic World Order and China's Vision of a Shared Future // *CLCWeb: Comparative Literature and Culture*. 2018. Vol. 20, iss. 2. P. 2–10. <https://doi.org/10.7771/1481-4374.3232>
- Xu Yan. Dui quan qiu hua bei jing xia ti gao guo jia wen hua ruan shi li de zai si kao // *Lín yí xuéyuàn xuébào* [Переосмысление национальной культурной «мягкой силы» в контексте глобализации // Журнал Университета Линьцзи]. 2012. No. 2. P. 51–55. (На китайском языке).
- Zhang Guozuo. 'Ruan shi li' gai nian de you lai // *Wǔhàn lǐgōng dàxué xuébào* [Происхождение понятия «мягкая сила» // Журнал Уханьского технологического университета]. 2014. No. 4. P. 521–538. (На китайском языке).
- Zhang Xiaoming. Yue Se Fu-Nai de 'Ruan shi li' si xiang fen xi // *Měiguó yánjiū* [Анализ идеи «мягкой силы» Джозефа Ная // Американские исследования]. 2005. Vol. 19. P. 20–36. (На китайском языке).
- Zhang Xiping. Jian lun Kongzi xue yuan de ruan shi li gong neng // *Hǎiwài hàn yǔ* [Краткое обсуждение функции «мягкой силы» Институтов Конфуция // Китайский язык за рубежом]. 2007. Vol. 3. P. 25–27. (На китайском языке).

Сведения об авторах:

Хисамутдинова Наталья Владимировна — доктор исторических наук, профессор кафедры кросс-культурной коммуникации, Институт педагогики и лингвистики, Владивостокский государственный университет; eLibrary SPIN-код: 3324-0664; ORCID: 0000-0003-4536-2083; e-mail: natalya.khisamutdinova@vvsu.ru
Ян Юэ — независимый исследователь, Харбин, Китай; e-mail: ian.ue1@dvfu.ru